

Они прибыли в Годрикову Впадину почти без единого звука. Гермиона и Рон, вместе державшие Гарри сбоку, теперь стояли вплотную к нему с палочками наготове. Палочка Гарри была в кармане Гермионы, как дальнейшее избавление от искушения, в то время как владелец упомянутой палочки выглядел явно недовольным. Гермиона знала, что его раздражает то, что ему нужна защита, что он не может внести свой вклад в их защиту, и что они рискуют своими жизнями ради него.

Как будто ты не сделаешь то же самое — и даже больше — для нас, нежно подумала Гермиона, на мгновение взглянув на Гарри, прежде чем обратить свое внимание на город.

Ничего не шевелилось. Казалось, ничто даже не вздохнуло, и Гермиона знала, что наверняка держит свое. Годрикова Впадина была почти неузнаваема, поскольку когда-либо была какой-либо недавней цивилизацией. Расколота древесина опорных балок указывала на темнеющее небо, словно обвиняющие пальцы. Окна без стекол зияли, как глазницы в полуразрушенных стенах. Улицы были усеяны мусором, каждый день предметы лежали там, где их поспешно выбросили или бросили после смерти их перевозчика. Бумаги и мусор развевались на легком ветру. Щупальца тумана закружились вокруг колен Трио, добавляя потустороннюю ауру и без того жуткой сцене. В воздухе пронеслась слабая сцена — неприятный запах, напоминающий порох и серу... и что-то еще, что Гермиона не могла точно определить.

— Черт возьми, — услышала она шепот Рона, едва шевеля губами. Она предостерегающе поднесла палец ко рту, призывая к тишине, и внимательно слушала. Там ничего не было. Поспешное контролирующее заклинание Тонкс не выявило недавней магической деятельности в городе, хотя остатки, оставшиеся после разрушения деревни, делали результаты заклинания в лучшем случае сомнительными. Либо Пожиратели Смерти больше не наблюдали за Пустотой, либо присутствие Трио до сих пор оставалось незамеченным.

Гермиона мотнула головой в сторону дома – дома Гарри, мысленно уточнила она, хотя всегда с трудом называла его таковым. Они пошли, держась в тени, тщательно выбирая шаги, не желая даже подсвечивать кончики своих палочек, чтобы более безопасно пройти по зыбкой земле. Гарри был посередине, а Рон замыкал арьергард, очень часто настороженно описывая полный круг.

На одном из таких кругов что-то шумно захрустело под его ногами, от чего все трое вздрогнули. После довольно резкого прыжка Гермиона почувствовала, как носок ее туфельки наткнулся на что-то мягкое, но твердое. В неестественной тишине отчетливо раздался тихий крик, и звучный голос жалобно воскликнул:

«Мама...». Все замерли, и безумный взгляд, брошенный Гермионой через плечо, подтвердил, что лицо Гарри было пепельным в сгущающейся темноте. Ее глаза дико блуждали в поисках этого ребенка, который каким-то образом выжил после бойни. Она рискнула поджечь свою палочку.

Тусклый свет отражался от разбитых линз очков, на которые наступил Рон. Потом она увидела это и не знала, радоваться ей или унывать. Ее нога задела маггловскую куклу, отбросив ее на небольшое расстояние и заставив ее впоследствии протестовать в своем словарном запасе.

— Это кукла — просто — просто кукла, — выдохнула она, почти задыхаясь, не оборачиваясь к своим лучшим друзьям. Полуистерический смех сорвался с ее губ. Она двинулась вперед, чтобы подобрать его, и когда она наклонилась и подняла скомканный предмет, голубое свечение ее палочки блеснуло на чем-то бледном, почти скрытом под плотной комбинацией обломков и кустов, еще больше скрытого тенями камня. остатки дымохода.

Там была крохотная протянутая рука, вытянутая из своего укрытия, с распухшими и слегка согнутыми пальцами. Кто-то чуть ли не протестующе стонал, и Гермиона с некоторым удивлением поняла, что это она. Кукла выпала из ее безжизненных пальцев и снова завывала, когда упала на землю.

— Гермиона? — спросил Гарри, подойдя к ней как раз вовремя, чтобы поддержать ее, когда она согнулась пополам, беспомощно вырвавшись. Когда она снова выпрямилась, прижав одну руку ко рту, он стоял рядом с ней, одной рукой держа ее за локоть, а другой откидывая ее волосы с ее влажного лица. Внезапно она осознала, что другой запах, который она учуяла... смерть.

— Я... извините, я не знаю, почему я... я имею в виду, я знаю, на что он... на что они способны... я просто... — пробормотала она, чувствуя себя глупо, и увидела, как глаза Гарри ручонка и потемнела, а сказал только,

«Интересно, как власти магглов пропустили это?» и поморщился от безличного последнего слова. Его глаза мягко метнулись к глазам Гермионы. "Ты в порядке?" Она снова неуверенно кивнула, и он направился к тому месту, куда протянулась рука смерти. Он поднял часть обломков и крикнул: «Ой, Рон!» низким голосом.

Они совещались, тихо бормоча, эффективно закрывая им обзор от маленького трупа, и Гермиона на данный момент удовлетворилась тем, что позволила им это сделать. В какой-то момент она отчетливо услышала Рона.

— На ней и следа. Должна быть Авада Кедавра. Она увидела, как плечи Гарри вздрогнули в глубоком вздохе, когда он оттолкнулся от своих бедер и встал.

— Ты можешь левитировать ее, Рон? Его голос был низким и усталым. - Я знаю, куда мы можем ее поместить. Он казался каким-то подавленным, как будто его прежний триумф с его магией и его сияющая уверенность в ее способности преодолеть их проблемы поблекли в тени суровой реальности Годриковой Впадины. Забытое тело маленькой девочки, казалось, цементировало это для него.

Она действительно не понимала, о чем он говорит, пока они не поднялись на небольшой холм и не увидели то, что когда-то было домом его детства, скрытое за рощей на окраине города. Небольшое кладбище было в пределах видимости, отделенное от руин своей белой оградой... и своим неиспорченным внешним видом, если не считать двух опрокинутых надгробий, сияющих в слабом лунном свете. Гермионе показалось, что один из них раскололся надвое там, где упал. Волдеморт, должно быть, наколдовал тех, кто был на митинге, размышляла она. Когда они подошли ближе, она увидела бороздки в земле, разбросанную землю, две темные дыры,

которые, как они знали, были пусты. Она взглянула на Рона и увидела ответный понимающий взгляд. Конечно, две готовые могилы, удобно убранные тела...

Они прошли через ворота кладбища, больше не думая о бдительных глазах, чувствуя себя как-то в безопасности, полагая, что их нет. Светлые волосы девочки блестели в полумраке, и Гермиона вздрогнула, когда Рон, пытаясь провести ее через узкие ворота, разбил ей голову о столб. Она почувствовала, как ее горло снова поднимается, и боролась за контроль, не понимая, почему она вдруг развалилась на части.

Она потерла влажные ладони о джинсы и почувствовала, как ее быстрое дыхание немного замедлилось, как только тело исчезло в могиле, где когда-то находилась Лили Поттер. Рон почти небрежно начал засыпать грязь в отверстие, из которого она появилась, лениво взмахивая палочкой, глядя вдаль. Гарри стоял рядом с ним, сложив руки за спиной, и выглядел таким же отстраненным, как и Рон. Гермиона предположила, что могла понять, почему. Какие слова было сказать? Они не знали эту маленькую девочку, ее имя, сколько ей лет, кто ее родители — кроме того факта, что они, вероятно, тоже умерли. Волдеморт или те, кто следовал его приказам, убили ее, но он убил многих и, несомненно, убьет других. Желудок Гермионы неприятно скрутило.

Она повернулась спиной к кладбищу и спустилась в дальний угол, где два сегмента белой ограды сходились в красивую колонну. Она удивлялась тому, что кладбище осталось нетронутым, но полагала, что у Волдеморта нет никаких планов с мертвыми — за исключением двух тел, которые он потревожил. Она перегнулась через забор, крепко вцепившись руками в перила, стремясь глотнуть чистого воздуха, но его не было. Запах разложения и заброшенности был сильным. Гермиона не осознавала, что плачет, пока не почувствовала капли влаги на своих руках.

— Тебе не следует никуда ходить одной, — раздался за ее спиной голос, почти заикающийся от неуверенности. Рон. Она повернулась, вытирая слезы тыльной стороной ладони, ее рот смущенно скривился, когда она посмотрела на свои туфли, которые почти потерялись в траве, которая начала выглядеть неухоженной.

«Я... я...» — начала она защищать свои действия, но откусила ответ и просто ответила: «Я знаю». Рон выглядел слегка удивленным. Она подняла на него глаза, а затем посмотрела мимо него на Гарри, который все еще стоял у бывших могил своих родителей, выглядя напряженным и озабоченным. Она чувствовала себя неловко; у них с Роном уже давно не было серьезных разговоров, и оба они были благодарны за то, что война отняла у них так много времени в жизни, что этот факт можно было не замечать. Ты спишь с ней? Да. Ее лицо горело, и она была благодарна за темноту.

— Нам не следует оставаться здесь, на открытом месте. У Пожирателей Смерти могут быть патрули, — сказал Рон после напряженного молчания. Гермиона кивнула, радуясь, что они снова могут позволить реальной жизни вмешаться.

— Нам нужно идти к дому, — бессмысленно добавила она, и Рон повернулся и сказал:

— Я пойду за Гарри.

"Нет!" — внезапно выпалила она после окончания фразы Рона, напугав их обоих. — Я... я пойду за ним. Вспышка боли внезапно промелькнула на лице Рона и исчезла так быстро, что она подумала, что ей это показалось. Она чувствовала его взгляд на своей спине, пока поднималась по небольшому подъему туда, где стоял Гарри.

"Гарри?" — спросила она тихим голосом. Когда он не ответил, она подошла к нему и взяла его руку за сгиб его. «Гарри, давай, милый. Нам нужно попасть в дом». Облака начали мчаться по небу, закрывая звезды. «Похоже, может пойти дождь».

— Хотел бы я, чтобы мы знали ее имя, — только и сказал он. Она заметила, что он поднял нижнюю половину треснувшего надгробного камня из чистого белого мрамора, чтобы отметить место, где была похоронена девушка.

— Я тоже, — искренне ответила она, охрипнув от слез. Она снова потянула его за руку. «Рон ждет».

— Если бы я... — начал он, но остановился. Она склонила голову ему на плечо, зная, что он хотел сказать.

— Ты не можешь спасти всех, Гарри.

«Кажется, я никого не могу спасти, Гермiona», — разочарованно ответил он.

«Ты спас меня», — ответила она.

— Это еще предстоит выяснить, — ответил он загадочно и удрученно.

— Ты любишь меня, — продолжила Гермiona, чтобы не отчаиваться. «Что бы ни случилось дальше... оно того стоит».

«Наверное, мне повезло, что ты довольствуешься таким малым», — язвительно заметил он, но это звучало не так уныло. Ее глаза переместились на половинку надгробия, криво расположенную над перемещенной землей, и его взгляд проследил за ней. — Ты в порядке? Ты... я имею в виду... ты была... — он указал одной рукой в сторону основной части города, явно показывая, что она обнаружила тело.

— О... да, я в порядке, — сказала она взволнованным голосом. «Много, много сегодня произошло», — неуверенно закончила она. Возможно, это было знание, сделанное маленькой девочкой, что никто не в безопасности. Она привыкла к риску — но видеть правду такой откровенной, скомканной и заброшенной в разрушенном городе, что никто не был в безопасности, если только Гарри — человек, которого она любила, — не смог избавить мир от

этого зла раз и навсегда... это было в лучшем случае тревожным, а в худшем — ужасающим, калечащим душу способом.

Затем она взглянула на него и поцеловала, сначала легко, задержавшись на мгновение, а затем ее щека скользнула по его щеке, пока ее голова не оказалась на его плече. Она чувствовала силу и тепло его рук вокруг себя и наслаждалась этим.

— Я люблю тебя, — странно сказал он, по-видимому, понимая, что не согласен, когда Гермиона заявила, что согласен. Ее глаза сморщились в уголках, когда она слегка улыбнулась ему.

"Я знаю." Они повернулись, чтобы пройти обратно к главным воротам кладбища, и Гермиона с болью заметила, что Рон стоит там, старательно повернувшись к ним спиной. Он, по-видимому, внимательно осматривал их окрестности, но на самом деле игнорировал их настолько решительно, что с тем же успехом мог смотреть на них.

"Готовый?" — спросил Рон немного натянуто, не оборачиваясь. Гарри засунул руки в карманы и без всякого желания посмотрел на то, что осталось от здания, которое когда-то было его домом.

— Я думаю... — протянул Гарри, слегка шаркая ногами по грязи. Гермиона сочувственно посмотрела на него и взяла его под руку, когда они вышли с кладбища и молча направились к дому Поттеров.

Дом был во многом таким, каким они его помнили с прошлого лета. Более половины разрушено в битве, унесшей жизни Джеймса и Лили Поттер, оставшаяся часть была опасно неустойчивой и в основном заросла плющом и сорняками. Почти два десятилетия это было бельмом на глазу для маленькой симпатичной деревни, но Гермиона могла понять нежелание жителей деревни что-либо с этим делать. Они, вероятно, не решились бы приблизиться к нему, увидев, как там была загадочно убита прекрасная молодая пара, а их ребенок растворился в воздухе. К тому же, предположила она, он действительно принадлежал Гарри, как бы горожане ни были в неведении о его местонахождении. Теперь это было спорным вопросом, учитывая, что дом выглядел лучше, чем большая часть того, что осталось от города.

В прошлый раз они останавливались в подвале, и там был сносный штаб. Пол дома защитил их от большей части непогоды, а остальное сделали несколько удачных чар. У него также было два выхода: один в дом, а другой во двор. Они отказались от защиты от аппарации во время охоты за хоркруксами просто потому, что они не позволяли им аппарировать внутрь и наружу, и их нельзя было увидеть, крадучись в старом доме Поттеров и из него. Эта единственная брешь в безопасности была покрыта многочисленными маскирующими, подавляющими и обнаруживающими чарами и оберегами, как вокруг дома, так и в самой деревне, и их пребывание прошло без происшествий.

Гермиона с сомнением посмотрела вниз, в темную пасть подвала, после того как Гарри снял ветхую дверь с ржавых петель, которая громко застонала. Заросший сад, весь шорох и огромные туманные очертания тьмы казались чем-то предвещающим. «Конечно, — подумала она, — в прошлый раз, когда мы пробрались разведать обстановку, в деревне были огни и

музыка — кто-то устраивал вечеринку — и... а теперь... Теперь было совсем по-другому, тихо, и темно, и разрушено, и... опасный, уравновешенный и поджидающий вид опасности, как незамеченный хищник, довольный выжиданием своего времени, прежде чем убить свою добычу.

«А может быть, я просто зашла в тупик », — насмешливо подумала она, с тревогой чувствуя на себе выжидательные взгляды двух своих лучших друзей. Она стряхнула с себя страх и выстрелила в кавернозную черноту заклинанием обнаружения. Мгновение спустя белая искра взлетела вверх по неглубокой лестнице и вспыхнула на кончике ее палочки.

— Понятно, — сказала она и с подчеркнуто небрежным видом побежала вниз по лестнице. Она знала, что Рон и Гарри обменялись взглядами, прежде чем последовать за ней вниз по лестнице, и тихо позвала в ответ, не оборачиваясь:

«Я чувствую беспокойство, вытекающее из ваших пор, вы оба. Уверю вас, я...» Что бы она ни закончила предложение, оно было прервано треском ломающегося дерева и воплем, когда она падала.

"Гермиона!" Она слышала Рона и Гарри в стерео чуть выше и позади того места, где она лежала, прижавшись щекой к прохладному бетону подвала, выплевывая кровь изо рта.

«Черт, я разбила себе губу», — сказала она, неуверенно прикоснувшись языком к нежному месту. Она чувствовала руки Гарри по обеим сторонам своего лица, хотя и не могла видеть его в кромешной тьме подвала.

— Ты в порядке? Рон, зажги свою палочку, — приказал Гарри, и Рон так и сделал, вероятно, ему даже не пришло в голову возражать против тона Гарри.

— Это еще не все, что вы разделили, — сказал Рон, когда их глаза пришли в себя от внезапной вспышки света. «Лестницы прогнили насквозь». Она перешагнула — а не поднялась — вторую ступеньку снизу, и только после того, как Рон что-то сказал, боль начала распространяться вверх по ее ноге и давать о себе знать. Она подавила вздох и попыталась перевернуться, отталкиваясь от живота ободранными ладонями и пытаясь высвободить ногу из расщепленной лестницы. Боль заставила ее увидеть звезды.

— Подожди, подожди, Гермиона. Не двигайся, — сказал Гарри, помогая ей повернуться, пока Рон осторожно освобождал ее ногу. Какой бы осторожной ни была попытка, Гермиона почувствовала, как кости скрежещут друг о друга, почувствовала, как у нее кружится голова и ее тошнит.

«Гарри, я собираюсь...» — это все, что ей удалось выдать, прежде чем ее снова вырвало, и она едва успела вовремя наклониться на бок. Она почувствовала прохладные руки Гарри на своих висках, когда он держал ее волосы назад, и она прижалась к успокаивающей стенке его груди. «Надеюсь, ты исцеляешь заклинаниями», — сказала она Рону невнятным голосом, изо всех сил стараясь не обращать внимания ни на что, кроме пульсирующей боли в лодыжке.

«Оглушите ее», — услышала она голос Гарри, словно издалека. Звучало так, как будто Рон спорил, но слова сливались, мутные и неразборчивые. Гарри сказал что-то более выразительное, и она снова почувствовала его руки, порхающие вокруг ее лба, гладящие волосы. Гарри знает, что это больно. Он хочет избавить меня от боли, пока Рон лечит мне ногу. Рон сказал что-то еще; это походило на фонограф, играющий слишком медленно; затем ее поразило заклинание, и все почернело.

Когда она проснулась, в голове у нее стучало, нога затекла и стала неповоротливой, а во рту был такой привкус, как будто его наполнили металлической стружкой, пока она спала. Она застонала и поерзала, но тут же решила, что это была плохая идея, так как тошнота грозила снова захлестнуть ее.

Она открыла глаза и увидела обеспокоенное лицо Гарри, нависшее над ней, и поняла, что поверхность, на которую она положила голову, была его коленями.

— Привет, ты, — сказал он, словно пытаясь казаться легкомысленным, но Гермиона заметила беспокойство, скрывающееся в его блестящих глазах.

— Кто из вас сбил меня с лестницы? — прохрипела она.

— Рон, конечно, — быстро ответил он, и они обменялись улыбками. — Ты действительно в порядке?

"Я думаю. Чувствую себя немного больным до сих пор. Рон, почини мою ногу?" — спросила она, намеренно ограничивая свои вопросы несколькими словами.

— Да, — сказал Гарри. Его руки снова были в ее волосах. Она почувствовала трепетное шевеление внизу живота. Она вытянула шею, пытаясь расширить свой ограниченный обзор подвала, и он осторожно толкнул ее вниз.

— Где Рон?

— Пошел обходить периметр, — лаконично сказал Гарри. Теперь, когда они завершили осмотр Годриковой Впадины, следующим шагом было установить вокруг города незаметные защитные барьеры, чтобы они могли быть уведомлены в тот момент, когда кто-нибудь приблизится.

— Он не должен был идти один! — встревоженно выпалила Гермиона. Гарри приподнял бровь.

— Кто собирался пойти с ним? — спросил он, и в его голосе снова появилась горечь, хотя в основном она терялась под сарказмом. «Мальчик, который только что освоил Вингардиум Левиоса, или девочка, которая только что упала с лестницы, сломала ногу и заболела в тайном убежище?» Гермиона с досадой подняла на него глаза. Конечно, он был прав. Он улыбнулся ей, хотя и несколько криво и криво, и провел пальцами по линии ее подбородка, оставляя после себя легкое покалывание. Она откинула голову назад, чтобы рассмотреть его поближе, и он

наклонился, чтобы поцеловать ее.

— Гарри, у меня во рту ужасный вкус, — слабо запротестовала она. Он почти усмехнулся, и его глаза заблестели, когда он вручил ей палочку. Она бросила на него застенчивый взгляд и наложила на себя освежающее дыхание заклинание, чувствуя легкое головокружение по совершенно другой причине, когда увидела, как его глаза потемнели от тоски. Когда его губы коснулись ее, она почувствовала, как екнуло ее сердце, и вспомнила приподнятое выражение его лица тем утром. Гермиона, смотри! Перед ней как будто открылась перспектива, и она могла видеть будущее, которое у них могло бы быть... свидания в Лондоне, совместное использование бананового сплита у Флориана Фортескью, возможно, отпуск на континенте или предложение где-нибудь ужасно романтическое. .

Когда-нибудь, Гарри! Когда-нибудь мы получим это будущее, яростно думала она, обвивая руками его шею и открывая рот, чтобы углубить поцелуй. Она почувствовала, как его пальцы скользнули по краю ее рубашки и начали скользить вверх; его кожа была обжигающе горячей. Она немного выгнула спину, открывая ему доступ, молчаливо давая разрешение.

Как раз в тот момент, когда она подумала, что растворится в прекрасной, теплой луже гермионовой слизи, с лестницы донесся неприятный фыркающий звук. Она оторвалась от рта Гарри и хотела бы оттолкнуться от него, но все еще чувствовала легкое головокружение.

Рон стоял у подножия лестницы, очевидно, осторожно спускаясь по ней, чтобы не постичь той же участи, что и она.

— Ты забыл завязать галстук на дверной ручке, Гарри, — сказал Рон легким и небрежным голосом, но глаза выдавали правду о том, что он чувствовал по поводу увиденного. Гарри вздохнул и провел одной расстроенной рукой по волосам, а другой помог Гермионе сесть. Гермиона издала сдавленный стон.

«Рон...»

— Периметр охранен. По крайней мере, в полукилометре отсюда — ни души, — деловито продолжил он, с шорохом опуская рюкзак на пыльный пол подвала. Он не смотрел на них, но в линиях его позвоночника и плеч была очевидна боль. Наступило напряженное молчание. «Мы должны починить эту лестницу».

— Рон, — снова попыталась Гермиона. «Если... если мы просто будем... какое-то время, не следует... не следует ли нам обсудить это?» Рон поднял взгляд и встретился с ней взглядом, его лицо было вежливым, но его уши покраснели.

— Что тут обсуждать? — спросил он беззаботно. «Я люблю тебя. Он тоже». Он пожал плечами. «Единственная разница в том, что ты любишь его в ответ». Он развел руками в жесте вуаля, как бы говоря: «Видишь? Легко обобщается».

«Я знаю, ты думаешь, что...» она боролась, но внезапное выражение гнева на его лице заставило ее остановиться.

— Однажды ты сказала, что у меня эмоциональный диапазон чайной ложки, Гермиона. Это единственный раз, когда я знаю, что ты ошибаешься. Будь я проклят, если я буду сидеть здесь и позволять тебе говорить, что я действительно не знаю своего собственного ума – своего – своего сердца». Он резко прочистил горло. «Я люблю тебя. Я любил тебя много лет, но я был слишком глуп, чтобы понять это». Он бросил острый взгляд на Гарри. — Считаю, что я был не единственным. Гермиона на мгновение наблюдала, как Гарри встретился взглядом с Роном, а затем опустил взгляд на свои руки, сложенные на коленях, и побелевшие костяшки пальцев выдавали невысказанное напряжение, которое он чувствовал. «Я знаю, что ты меня не любишь, и я с этим разберусь. Но не оскорбляй меня, говоря, что я на самом деле тебя не люблю».

Гермиона почувствовала себя так, словно ей пронзили грудь безжалостно заточенным лезвием. Как она могла объяснить Рону, что ничего не может поделать со своими чувствами к Гарри? Или его? Как она могла выразить недоумение чувства, которое, казалось, выбрало ее, а не наоборот?

«Это не то, что мы планировали, Рон», - сказала она, чувствуя, что оправдание было ужасно неадекватным. Она все еще не могла прийти в себя от его признания в любви, никогда не подозревая, что его чувства настолько сильны. Тишина была плотной и почти осязаемой. Она подняла глаза — так медленно, как будто они были обременены тяжелым грузом — вверх, чтобы встретиться с ним. «Мне очень жаль». Ее голос был едва слышным шепотом, и вздох шока, удивления и боли Гарри был легко слышен в поглощающей звуку тишине подвала.

Она повернулась к Гарри так быстро, что ей показалось, будто она свернула шею с места.

«Гарри, это не то, что я...» Но ее мольба оборвалась на полуслове, когда Гарри встал одним быстрым, плавным движением и зашагал вверх по лестнице, дерево зловеще скрипело под его ногами. Рахитичный, глухой хлопок показал, что он вышел из подземной комнаты, закрыв за собой дверь.

Рон и Гермиона продолжали молчать. Гермиона думала, что щупальца напряжения задушат ее.

"О чем все это было?" — наконец спросил Рон несколько угрюмо.

«Он... он думал, что я сожалею... что я сожалею... что я сожалею о том, что люблю его. Ничто не может быть дальше от правды. Я просто... мне жаль, что кто-то пострадал из-за меня». Она посмотрела на него широко раскрытыми умоляющими глазами и протянула руку. Он помедлил мгновение, но затем сел прямо напротив нее, спиной к лестнице в подвал, и взял ее маленькую руку в свою большую. — Я люблю его, Рон.

"Я знаю, что ты знаешь." Это было сказано без интонации, отрицательной или иной.

«Я... иногда меня пугает то, как сильно я его люблю. Это, и я — я просто перестану быть тем, кем я себя считал».

— Ты никогда не увидишь, — сказал Рон с безрадостным смешком. — Гарри не позволил бы тебе.

«Я понятия не имела — я думала, что ты просто... школьная влюбленность, знаешь ли. Я не знала, что твои чувства были...» Она идиотски запнулась и решила повторить то, что сказала ранее. — Прости, Рон.

"Вы не просили об этом," ответил он.

— Ты тоже, — вставила она.

— Он тоже, — парировал он, и они оба снова замолчали. Он отпустил ее руку, и она сложила ее вместе с компаньоном на коленях. "Война сделала это легче," сказал он в настоящее время.

— Что стало проще? Она машинально сказала, хотя знала ответ, сама думала так же.

«Притворяться, что это не больно. Говорить себе, что злиться на что-то такое — такое маленькое, когда люди умирают — уже умерло — было эгоистично и высокомерно и — говорить себе, что мы, вероятно, все равно умрем, так что я чувствовал . или вы чувствовали, или Гарри чувствовал, что на самом деле это не имело никакого значения». Он бросил на нее беглый взгляд, а затем остановил взгляд на противоположной стене, казалось бы, в миллионе километров от нее. «Знаешь, это была мечта мамы. Ты и я, Гарри и Джинни, все мы вместе на Рождество и дни рождения, заполняя ее стены волшебными портретами десятков младенцев». Что примечательно, он сказал это, не краснея, а потом вздохнул. «...Теперь она мертва, Джинни ослепла, а ты — ты — и все изменилось навсегда».

— Но жизнь не останавливается только потому, что мир рушится, — мягко закончила за него Гермиона.

— Да, — согласился он. — Ты и Гарри — тому доказательство. Из всех случаев, когда нужно влюбиться... — Он попытался легко произнести это предложение, но его рот горько скривился при слове «любовь», и Гермиона почувствовала, как ее сердце болезненно забилося. Она открыла рот, чтобы заговорить, но он прервал ее. — Не извиняйся снова, Гермиона. Пожалуйста. Ее плечи поникли, а рот захлопнулся. «Я полагаю, что этот разговор должен был состояться... с этим отделением от Ордена — не о чем думать, кроме этого».

Гермиона вздохнула. Она так сильно хотела, чтобы Рон однажды вальсировал перед ними, улыбаясь, благословляя их и заявляя, что все это время он ошибался, объявляя ту или иную девушку настоящей любовью всей своей жизни. Это все еще может случиться, подумала она. Рону восемнадцать лет. И он всегда был наименее зрелым из нас троих. Какое-то мгновение она нежно смотрела на него, пока каждая эмоция, которую он чувствовал, последовательно

отражалась на его лице. Если я — разум этого трио, а Гарри — душа, то Рон — сердце. И когда сердце действовало разумно там, где речь идет о любви?

— Тебе следует пойти поговорить с Гарри, — сказал он ей после очередного тревожного молчания. «Он все равно не должен быть там один, тем более в своем нынешнем настроении». Она с готовностью встала, опираясь на недавно вылеченную ногу, но обернулась у подножия лестницы.

"У тебя все нормально?" Он помедлил мгновение, словно размышляя, насколько честен с ней.

— Нет, — наконец сказал он. — Но он нуждается в тебе.

Она старалась не замечать краем глаза, как долговязая фигура Рона сползла на колени, а лицо сжалось в сгибы локтей, пока она осторожно поднималась по гниющей лестнице. Перелезая через порог на прохладный ночной воздух беспорядочного сада, она пыталась закрыть уши от сдавленных звуков его сдерживаемых рыданий.

Она увидела его почти сразу, даже в неестественной темноте Лощины. Облака были более неравномерными, сквозь них время от времени проглядывали звезды, но ночь все еще была почти абсолютной. Он сидел у основания низкой каменной стены, поросшей плющом и мхом, широко расставив колени и обхватив голову руками. Она знала, что он услышал ее, когда запротестовала скрипучая дверь, но он не поднял головы.

«Гарри...» начала она, ее голос почти поглотил непрерывный шелест усыпанного ветерком сада.

— Ты не обязана объясняться со мной, Гермиона, — ответил он прежде, чем она успела сказать что-то еще, его голос звучал скучно и устало.

— Да, когда ты так явно неправильно понял, — поправила его Гермиона с некоторой резкостью в тоне.

"Есть я?" Затем он посмотрел на нее, вопросительно изогнув одну бровь. Она долго смотрела на него, его лицо было покрыто долинами и тенями в темноте.

«Гарри, не жди, что я хоть на минуту... ты не можешь искренне поверить, что у меня есть какие-то сомнения относительно тебя ... нас ? Это нелепо».

— Я не сомневаюсь в том, что ты чувствуешь, — сказал Гарри, тщательно подбирая слова, прокладывая путь по предложению с той же осторожностью, с которой ходят по канату. Гермиона какое-то время обдумывала выбранные им слова.

— Значит, есть сомнения в том, как ты себя чувствуешь? — сказала она наконец, и ее слова звучали тяжеловесно и весомо в шепчущем саду. Затем он выпрямился, и она услышала, как он

глубоко вздохнул, словно готовясь к чему-то. Она почувствовала, как ужас схватил ее изнутри, когда он поднял к ней лицо и открыл рот, чтобы произнести слова, которые, как она знала, прозвучат похоронным звоном их отношений.

И тут он запнулся. Его взгляд снова опустился, и она увидела, как черные очертания его тела рухнули и сжались в себе.

«Нет никаких сомнений», — сказал он, как будто это было чем-то, чего следует бояться, а не праздновать. Она почувствовала свое преимущество и подошла к нему, прислонившись к каменной стене рядом с ним. Камни сохранили тепло солнца, хотя дневной свет давно уже был воспоминанием. Он повернулся к ней, его лицо было всего в нескольких дюймах от ее, его зубы оскалились в паническом дыхании, почти как животное, загнанное в угол. Они практически дышали воздухом друг друга.

— Почему это плохо, Гарри? — мягко спросила она.

— Потому что я чертовски слаб, — выпалил он голосом самобичевания. — И эгоистичный. Если бы у меня было хоть какое-то благородство, я бы отослал тебя и Рона подальше — туда, где они никогда не слышали ни о Волдемorte, ни о Гарри Поттере. Ты могла бы научиться быть счастливой с ним, я знаю, что ты могла бы. И он любит тебя, — он провел обеими руками по волосам довольно неровно и выругался. — Но все, что я хочу, это ты. Чувство резко выпало в тишину.

Она поняла то, что он не сказал. Все, что я хочу, это ты. Меня почти ничего не волнует, и я чувствую себя виноватой.

— Хорошо, — сказала она легко. «Потому что все, что я хочу, это ты. Больше, чем ты думаешь. Я никогда не был бы счастлив — с Роном или кем-либо еще — зная, что ты один и в опасности». Больше тишины.

«Рон сказал...»

«Рону придется разобраться в своих чувствах самостоятельно». Она бросила на него острый взгляд сквозь ресницы. — Ты ему ревнуешь?

"Ревнивый?" Гарри издал короткий смешок, но затем внезапно стал серьезным. Я доверяю тебе. Я знаю, что ты любишь меня. Я доверяю ему. Во всяком случае, он тот, кто имеет право на обиду. после тебя и него... Я даже не могу представить, как бы я себя чувствовала, если бы ситуация была обратной... Но я... я не могу сказать, что я в восторге от того, что он будет смотреть на тебя так, как я смотрю на тебя. тебя, и думать о тебе так же, как и я, и... — Он замолчал с разочарованным вздохом. — Если он так думал, то зачем ему вообще было приходить сюда с нами?

— Потому что я не единственная, кого он любит, Гарри, — сказала она низким, напряженным

голосом. «Ты по-прежнему его лучший друг, и я думаю, что он хочет помочь, чем может... независимо от того, насколько это может быть болезненно».

— Для него или для меня? Гарри фыркнул. Гермиона ткнула его в ребра в упрек, но ее губы изогнулись в улыбке.

— Так чего же ты на самом деле боишься? Ты же не думал, что рискуешь потерять меня из-за Рона? — спросила она его после некоторого размышления.

— Я вообще боюсь тебя потерять, — страстно ответил он.

— Мы говорили об этом, Гарри. Уменьшилось бы твое горе, если бы я умер, а мы вообще никогда не были вместе?

«Конечно, нет», — грубо ответил он, как будто гипотетическое было чем-то, о чем он предпочел бы не думать.

«Тогда эмоциональное отстранение от меня ничему не поможет, не так ли? И, как сказал Рон ранее, притворство, что мы ничего не чувствуем, не изменит того факта, что мы чувствуем. Он знает это, и мы это знаем. Почему притворяться?» Она обхватила его лицо руками и говорила с ним четким голосом, подчеркивая слова. «Я люблю тебя, Гарри. И я буду любить тебя до того дня, пока не перестану дышать. Нет на земле силы, которая могла бы это изменить или убрать». Его тело на мгновение оставалось напряженным, пока он, наконец, не позволил себе расслабиться, прислонившись лбом к ее лбу. Он дрожащим голосом рассмеялся.

«Может быть, после того, как ты скажешь мне это еще несколько сотен раз, я, наконец, поверю в это».

— Поверь, Гарри, — хрипло сказала она. Не прерывая зрительного контакта с ним, она взмахнула палочкой, описав вокруг них дугу, бормоча заглушающие чары, а также то, которое она применила в день их первого поцелуя... Цекуско, благодаря которому Ремус увидел пустой внутренний дворик.

Он озадаченно повернулся к ней, приоткрыв губы, чтобы что-то сказать, но вопрос, который он почти произнес, умер так и не заданным, когда она прижалась к его плечам, увлекая его к мягкому папоротнику, в тени замшелой каменной стены.

Дни монотонно складывались в недели. У Гермионы и Рона была довольно солидная лаборатория зелий, расположенная в одной половине подвала, и они часами возились в ней, готовя зелья и проверяя заклинания и комбинации заклинаний и зелий. По правде говоря, часть этого времени ушла на крики, в основном о том, что Гермиона воспринимала слишком серьезно, или Рон не воспринимал достаточно серьезно. Гарри обычно просил их остановиться усталым голосом, как измученная мать может ругать двух своих ссорящихся детей. Он не мог практиковать свою магию, в то время как Гермиона работала над усовершенствованием какого-

то маскирующего заклинания — или зелья, хотя она думала, что заклинание было бы предпочтительнее, — так что он проводил время, корпеть над «Историей Хогwartса».Гермиона втайне гордилась им за это; казалось неизбежным, что им придется предпринять попытку проникнуть в Хогwartс или захватить его, а подробное знание школы могло быть только преимуществом в их деле.

У них была скудная связь с Орденом. Им удалось добыть припасы из нетронутых маггловских подвалов, чистокровный снобизм, свойственный Пожирателям Смерти, предотвратил любое мародерство, а создание тайной линии снабжения через Орден было ненужным. Трио действительно знало, что Орден в безопасности, что они где-то нашли новое убежище, и что у Джинни было несколько плохих дней, но в целом она хорошо приспосабливалась к своему недугу.

Август перевалил в сентябрь, без каких-либо признаков прорыва в отношении заклинаний или зелий, которые могли бы успешно скрыть магию Гарри от обнаружения Волдеморта. Гермиона и Гарри продолжали время от времени ускользать в сад и особо использовать чары Цекус и Силенсио . Она была уверена, что Рон не мог не знать о том, что происходит, но тема снова превратилась в венгерскую хвосторогу в углу, которую все старательно игнорировали.

Сегодня был еще один такой случай. Солнце садилось за горизонт, и Гермиона лежала в объятиях Гарри, волшебным образом скрытая в том, что она теперь считала «их местом» у садовой стены. Она вздохнула от полного удовлетворения, почти мурлыча, и ощутила низкий гул смеха в груди Гарри.

"Что вы смеетесь?" — вяло спросила она.

— Ты, — ответил он, и она почувствовала, как он улыбается ей в волосы. Его голос звучал почти невнятно от умиротворения, и ее сердце было приятно это слышать. Она была несказанно рада, когда смогла стать орудием его удовлетворения, каким бы временным оно ни было для них обоих. «Как кошка, свернувшись калачиком в лужице солнечного света».

Она рассмеялась, и ее пальцы погладили мышцы его груди под расстегнутой рубашкой. Ветер танцевал в уже спутанных прядях их волос, и она слегка вздрогнула, натягивая блузку на плечи.

— Ночью уже становится прохладнее. Что мы будем делать, когда здесь будет слишком холодно, чтобы выходить на улицу? — спросила она, возясь с кнопками. Он расправил рубашку, а она расправила растрепанную юбку.

— Чары работают и в помещении, не так ли? — поддразнил он, и она поморщилась при мысли о том, чтобы делать что-либо — чары или не чары — с Роном в одной комнате. «Мы могли бы отправить Рона на более длительные зачистки. Не то чтобы он не знал, что мы делаем».

«Я знаю, но мы все трое притворяемся, что он не знает, и прямо сейчас меня это вполне устраивает», — лукаво ответила она. «Кроме того, как только мы должным образом замаскируем твою магию, он сможет перестать делать эти взмахи в одиночку. Я действительно

ненавижу это». Гарри и Рон были категорически против того, чтобы она в одиночку патрулировала Годрикову Лощину, в то время как Рон остался с Гарри, и, поскольку Гарри еще не мог творить магию, работа осталась за Роном. Она была готова до хрипоты спорить о том, насколько ненужной была их предсказуемая мачо-защита, но неприкрытый страх, блесевший в глазах Гарри, изменил ее мнение. Он протестовал не потому, что считал ее недееспособной, а потому, что не хотел причинять ей боль. Она могла бы жить с этим.

Они оба потянулись за своими туфлями, и Гермиона вздохнула, когда Гарри выдернул листик из ее спутанных волос. Он наклонился и поднял одеяло, которое они взяли с собой, а когда выпрямился, их взгляды встретились. Они долго и торжественно смотрели друг на друга, что стало для них традицией. «Назад в реальный мир», — мрачно подумала она. Вернемся к зельям, расчетам и заклинаниям. Ее неуспех начинал не просто расстраивать ее, и Гарри, должно быть, прочитал отчаяние в ее глазах, потому что протянул руку и сжал ее руку.

«Я думаю, мы должны...» сказал он, когда она внезапно замерла, ее голова настороженно повернулась справа налево. "Что это?" Она сжала его руку и покачала головой.

«Голоса », — произнесла она одними губами, не желая, чтобы ее голос помешал ей услышать что-то важное, и увидела, как его глаза стали настороженными. Они снова присели на корточки, стараясь не сдвинуть рыхлый подлесок, который теперь увядал и высыхал с приближением осени. Гермиона поймала взгляд Гарри и быстро взмахнула палочкой. Она видела, как он немного расслабился от воспоминаний. Они все еще были скрыты под чарами Цекус и Силенцио , пока оставались в пределах их радиуса действия.

— Возможно, это Рон, — сумел сказать Гарри, не в силах полностью избавиться от желания прошептать.

«Это два человека. Они близко. Я думаю...» Гермиона спотыкалась и остановилась, когда две фигуры в капюшонах вошли в сад Поттеров через маленькие ворота, которые открывались в небольшой лесной массив, защищающий дом от остального города. Гермиона почувствовала, как пальцы Гарри судорожно сжались вокруг ее собственных.

— Ты можешь хотя бы стоять по ветру, если отказываешься купаться? — раздался культурный голос с оттенком презрения. Гермиона и Гарри, спрятанные под зонтиком своих чар, обменялись широко раскрытыми глазами, полные ужаса узнавания.

Другая фигура в плаще сделала какой-то непристойный жест, который был скрыт от двух наблюдателей тяжелой драпировкой его рукава, но его спутник ясно видел. Первый говоривший ударил жестикулирующего по затылку, и когда сила удара заставила его голову дернуться вперед, Гермионе показалось, что она увидела кончик довольно крючковатого носа.

— Пожалуйста, только не говори мне, что это Малфой! Гарри прошепел ей на ухо, продолжая шептать.

«Похоже на Малфоя. И я думаю, что второй — тот самый, что сканировал наши Метки на

митинге. Или его клон».

— Следи за собой, юный господин , — прошипел Клювоносый, и из последних двух слов сочился сарказм. «Ты получил свое возмездие, ты получил. Нет никого лучше, чем кто-либо другой здесь внизу».

— У меня все еще есть ухо моего отца, — ответил Малфой, потому что это был он. Он метнул палочку в сторону своего компаньона, и внезапное движение откинуло его капюшон, обнажив безошибочно узнаваемые белокурые волосы. Несмотря на все свои смелые речи, Кусачий Нос, похоже, питал некоторый страх перед возможной расправой со стороны Люциуса Малфоя. «Это достаточно плохо, что я был вынужден совершать ненужные патрули в мертвых маггловских деревнях, но вынужден взаимодействовать с репликантами !» Он скривился от отвращения, когда его глаза споткнулись о клона и продолжили осмотр заросшего сада. Гермиона почувствовала, как ее сердце замерло в груди, когда взгляд Малфоя пересекся с ее собственным, хотя она знала, что он ничего не видит сквозь заклинание Цекус .

«Не так уж и плохо быть репликантом. Считай, что настоящий Копытный Хофсхорн нам должен, учитывая, что мы все работаем на Темного Лорда, пока он сидит в Хогвартсе в роскоши». Он издал хриплый, хриплый смех.

— Молчи, дурак! — сказал Драко, когда Гарри взволнованно толкнул Гермиону в ребра. Хогвартс . По крайней мере, это было что-то конкретное. «Полагаю, меня не должно удивлять, что вы не возражаете против того, чтобы быть копией кого-то, кто изначально был совершенно бесполезен».

— Откуда ты знаешь, что ты не один? — сказал вдруг Копытно, неприятно усмехнувшись. Драко уставился на него в ярости, но явно не знал, что ответить. «Я скажу тебе, как... Темный Лорд не хочет от тебя никого другого, учитывая, что ты даже не можешь правильно выполнить свое первое задание». Гермиона предположила, что они говорили о смерти Дамблдора, и, судя по тому, как Гарри внезапно и неловко заерзал, предположила, что он думал так же. Глаза Драко потемнели. Вместо того чтобы ответить Копытному, он бросил беглый взгляд на разрушенную усадьбу.

— Этот дом вызывает у меня мурашки, — сказал он, бросив на него презрительный взгляд. — Неудивительно, что Поттер родился здесь.

— Когда я здесь жил, такого не было, идиот, — мрачно пробормотал Гарри. Гермиона сочувственно улыбнулась ему и снова сжала его руку.

«Если бы не он и его крошечные друзья-горшочки, я бы добился успеха той ночью», — мрачно сказал он Хуфсхорну. — Это была его вина, я... Остальная часть абсурдной истории Малфоя была затемнена, когда разгневанный Гарри сказал:

«Я окаменел под мантией-невидимкой. Как я мог остановить его?» Гермиона нетерпеливо велела ему замолчать.

«Это не то, что я слышал», — сморщил Хуфсхорн свой выпуклый нос, и конечный результат был действительно тревожным, подумала Гермиона. «Я слышал, что у тебя просто не было камней, чтобы сделать это, что старый Альбус отговорил бы тебя от этого, если бы не появился Мастер Зелий, чтобы спасти положение». Гарри снова беспокойно поерзал, выглядя страдающим и больным. Малфой угрожающе повернулся к Хуфсхорну, снова размахивая палочкой. Гермионе стало интересно, как часто Малфой терпел подобные насмешки за последний год.

— У кого хватило камней проклясть Джинни Уизли в Хогвартсе той ночью? — тихо спросил он. «Кто работал с Северусом в течение года над всей концепцией?» Он лениво взмахнул палочкой, и Копытноносный чуть не съёжился. — Я мог бы это сделать, ты же знаешь. В саду на мгновение воцарилась тяжелая тишина, явно угрожающая. Гермиона обернулась и увидела голову Гарри в его руках, пальцы пробирались сквозь грязную черноту. Казалось, он удерживал себя под чарами только благодаря своей воле, зная, что он не ровня двум Пожирателям Смерти.

Была почти ночь. Копыто неуверенно склонил голову, словно поглощенный краем плаща, и Малфой, казалось, воспринял это как свидетельство подчинения. — Надеюсь, я больше ничего не услышу на эту тему, — сказал он так же высокомерно, как его отец перед ним. Он улыбнулся молчаливо, без удовольствия или веселья. «А теперь давайте закончим наш обход и выберемся из этого заброшенного места».

Едва он двинулся вперед, как споткнулся, наступив на небольшую ямку в земле и потеряв равновесие. Он немного повозился, но не смог найти покупку. К ужасу Гермионы, его траектория привела его прямо к краю области, которую она очаровала.

«Арресто...» начала она, но ей не хватило времени. Драко Малфой нырнул в их укрытие. Она вообразила, что то, как он полностью исчез выше пояса, может сильно встревожить его напарника по патрулю.

Все трое смотрели друг на друга в течение долгого, застывшего момента. Волшебная палочка Гермионы была направлена на него, и Малфой явно оказался в невыгодном положении, распластавшись во весь рост на земле, вырывая изо рта кусочки сухих листьев, куда бы она ни полетела, когда он упал.

— Черт возьми, — тихо сказал слизеринец, когда его взгляд пересекся со взглядом Гарри. "Свидание с грязнокровкой? Серьезно?" Его глаза блуждали по их явно растрепанной одежде, и он цокал, как будто Гарри был дорогим другом, который его разочаровал. Лицо Гермионы горело.

— Сделай это, Гермиона, — прошипел Гарри. Драко уперся ладонями в пол, собираясь вернуться в более вертикальное положение. — Сделай это. Ему нельзя позволить никому узнать, где мы.

Хуфсхорн двигался. Они оба увидели это одновременно, когда он внезапно рванулся вперед,

протягивая руку, явно намереваясь схватить Малфоя за талию и вытащить из того магического поля, в которое он попал.

— Reducto! — раздался голос Рона, звучавший безумно и почти истерично, хотя ни один из остальных не мог точно определить его местонахождение.

Копыто прервало его попытку помочь Малфоем, когда заклинание пронеслось мимо него с горячим шипением опаленных молекул воздуха. Редуктор ударил в их слизеринского врага со всей силой снаряда, и весь воздух вылетел из легких Малфоя со слышимым «уф».

Гермиону и Гарри отбросило назад силой собственного веса Малфоя, и Гермиона почувствовала, как ее голова довольно громко треснулась о рушащуюся каменную стену. Что-то теплое и влажное просачивалось в ее одежду, колени, ноги, и она с тревогой посмотрела на Гарри. Он пытался оттолкнуть тело Малфоя от их нижних конечностей. В последний раз он толкнул Малфоя в плечо, довольно бесцеремонно скатывая его с себя. Малфой приземлился на спину, чуть в сторону, и их одежда оказалась запачканной его кровью.

Гермиона попыталась подавить автоматический рвотный рефлекс. Там, где когда-то была грудь Малфоя, зияла дыра, но булькающая кровь все еще пузырилась. Его глаза были стеклянными и невидящими, и пока они смотрели, застыв от шока и ужаса, его сердце перестало биться. Раздался стук, а потом ничего. Драко Малфой был мертв.

— Одуреть! Дрожащий голос Рона снова достиг их ушей, и Гермиона увидела, как Копытень упал возле садовых ворот, через которые он, очевидно, собирался бежать.

— Finite Incantatem, — дрожащим голосом выдавила она, и маскировка исчезла, открыв глаза Гарри и ее самой, а также окровавленный труп Драко Малфоя. "Рон?" — позвала она. На мгновение наступила тишина, и участок живой изгороди, окаймлявший одну сторону сада, начал дергаться и кружиться, затем сморщился и рухнул, открывая стоящего там Рона Уизли, выглядевшего ошеломленным, рука с палочкой безвольно прижата к боку, другая рука сжимая мантию-невидимку.

— Борода Мерлина, — глухо сказал он. — Какого черта...? С вами все в порядке? Что он сделал?

— Это его кровь, — ответил Гарри. «Мы в порядке». Он посмотрел вниз и, казалось, внезапно понял, что его рубашка все еще частично растегнута, и почти машинально пошевелил руками, чтобы поправить ее, хотя указанный предмет одежды был обильно запачкан кровью.

"Я не имел в виду - другой тип бежал, а я не знал. Я думал, что ты был там, но я не был уверен. Я пытался ударить его— запинаясь, пробормотал Рон, указывая на задние ворота, где лежало распростертое тело Копытнорога, почти скрытое в флоре. Во время разговора он двинулся к ним и так добрался до изуродованного тела Малфоя. Гермиона увидела, как его шея и челюсть судорожно сокращаются. Я убил его, не так ли? — спросил он тоном человека, который не может поверить, что такое действительно произошло. собирались выйти из леса и немедленно

приговорить его. "Я не хотела - я была..." Гермиона сжала губы и подошла к нему. Она бы сочувственно похлопала его по руке, но остановила движение, когда она увидела, что ее руки все еще были липкими от крови.

— Не сожалей, Рон. Он заслужил смерть, — сказал Гарри спокойным и ровным голосом, и Гермиона удивилась холодности, с которой он это сказал. Если у нее и были какие-то сомнения относительно того, убили ли Рон или Гарри кого-нибудь в битве за Хогвартс и Хогсмид, то теперь они развеялись. Казалось очевидным, что не Рон, а Гарри. С возвращением своей магии он, казалось, снова превращался в закаленную в боях, уставшую от мира душу, которая в тот день приземлилась на камни рядом с ней возле хижины Хагрида, в того, кто сосредоточился на цели и неумолимо брел к ней, независимо от риска для себя. «Он впустил Пожирателей Смерти в Хогвартс. Он способствовал ситуации, когда Дамблдор был убит. Он помог Снейпу настроить проклятие Кошмара и применил его к Джинни. Мы слышали, как он так говорил.

Это было почти страшно, подумала Гермиона, как лицо Рона внезапно изменилось, стало более ледяным и менее раздражительным. Он с презрением посмотрел на труп Малфоя.

«Откуда он узнал? О ее худшем кошмаре?» Гарри покачал головой.

«Я не знаю. Думаю, это то, о чем мы должны спросить Джинни».

— Он скоро объявится, — предположила Гермиона, указывая на спутника Малфоя, пытаясь напомнить своим лучшим друзьям о непосредственной опасности, в которой они оказались.

— Что мы будем с ним делать? — спросил Рон.

— Мы не можем убить его, — как ни в чем не бывало сказал Гарри. «Тогда другие придут искать их, и они могут начать более внимательно следить за этими деревнями. Забудь его. Гермиона, если ты можешь втолкнуть меня в его разум — я не думаю, что я достаточно силен, чтобы сделать это самостоятельно. — Я подкину новые воспоминания. Он подумает, что убил Драко».

— Он не убежит, чтобы избежать наказания? — указала Гермиона. «Тогда им все равно не хватает двух Пожирателей Смерти. Они все равно будут искать».

— Нет, если я вызову у него столько вины и страха, что он почувствует себя обязанным вернуться в штаб и признаться, — ответил ей Гарри.

— Ты можешь это сделать? Гермиона вздрогнула, когда ее голос прозвучал очень тихо. Гарри перевел взгляд на нее, Рона, а затем на землю, тщательно избегая попадания Малфоя в поле зрения.

— Думаю, да, — медленно сказал он. Ему явно не нравилась его способность управлять

разумом любого типа. Гермионе стало интересно, было ли это очередным «факультативным» обучением, которым он занимался после того, как освоил Легилименцию.

— Но твоя магия. Мы пока не можем ее замаскировать, — прозвучал последний протест Гермионы. Ей хотелось стереть далекий, усталый взгляд в его глазах. Неужели всего несколько минут назад он ласкал ее нежными пальцами, поклонялся ей ртом и глазами, улыбаясь ей в волосы? Она неловко дернула себя за юбку; из-за крови она липко прилипала к ее ногам. Она чувствовала себя грязной, оскверненной, как будто никогда больше не будет чистой.

— Нам придется уйти отсюда, — небрежно сказал Гарри. «Рон может все упаковать, пока мы его Обливиативуем», — он мотнул головой в сторону задних ворот.

— Что мы... — Рон прочистил горло и попытался снова. — Что мы будем делать с... с Малом... с Малфоем?

Гарри уже двинулся к шаткой двери, чтобы достать палочку из подвала. Он ответил Рону, даже не останавливаясь и не оглядываясь через плечо.

«Брось его по ту сторону стены. Оставь гнить».

Частота дыхания двух ее лучших друзей не изменилась, когда Гермиона быстро выскользнула через дверь в сад. Она осторожно открыла его настолько широко, насколько это было необходимо, чтобы проскользнуть сквозь него, и опустила его на место, как будто он был сделан из скрученного стекла. Обереги были настроены на распознавание ее палочки и лишь слегка мерцали, когда она проходила сквозь них.

Она бесшумно подошла к стене, положив руки на камни, сглаженные возрастом и покрытые мхом. Ей потребовалось некоторое время, чтобы посмотреть через стену на куст высотой по колено, куда Рон бросил тело Малфоя, все время обмениваясь обеспокоенными взглядами с Гермионой.

"Он не может быть серьезным. Он просто собирается оставить его там", сказала она горячим шепотом. «Это... это варварство».

— Это Малфой, Гермиона, — ответил Рон, казалось, воспринимая все это более спокойно, чем она. — Когда он когда-нибудь вел себя как человек?

Но он был человеком. Он был мальчиком — как раз их возраста — и кто знал, но его семейное положение и фанатизм, в котором он вырос, никогда не давали ему шанса. Очевидно, в нем не было того глубоко посеянного семени благородства и характера, благодаря которому Гарри вырос такой прекрасной душой, несмотря на трудности, с которыми он столкнулся в начале жизни.

Эта внезапная непримиримость была непохожа на Гарри, и она напугала Гермиону больше,

чем она хотела признаться даже самой себе. Даже если мы выживем, кто скажет, что он когда-нибудь сможет оправиться от того, через что он прошел? Нежелательный образ могущественного, злобного Гарри вспыхнул в ее голове, и она судорожно покачала головой. Нет, она даже не допускала такой мысли. У Гарри не было воли пойти так, как Том Риддл.

Отбросив такие бесполезные мысли, она перелезла через стену, стараясь не наступить на Малфоя, вздрагивая даже от легкого звука, который издавали ее кроссовки, когда они касались земли.

Выбрав место, она описала палочкой дугу, прорезав в зеленом подлеске прорезь и обнажив землю под ней. Небольшими движениями зачерпывания и бормотанием заклинания она начала копать.

Ранее она и Гарри успешно обливиировали Копыта, и у Рона было готово все их снаряжение. Они решили провести последнюю ночь в Лощине и уйти рано утром. Гарри не говорил о том, что он видел в сознании Хуфсхорна, но когда он вышел, он был мрачным и осунувшимся, натянутые линии усталости смешивались с праведным гневом и покорностью. Он и Рон оглушили Пожирателя Смерти и оттащили его на некоторое расстояние от Годриковой Впадины. Теоретически, объяснил Гарри, он должен проснуться с воспоминанием о том, как спровоцировал Драко Малфоя, а затем сразился с ним на дуэли, получил удачный выстрел и не мог точно вспомнить, что произошло дальше или как он оказался там, где оказался. Он предположил бы, что запаниковал. Они даже вымазали его плащ кровью Драко, прежде чем «сопроводить».

Глаза Гермионы горели от усталости и тревожных слез, пока она продолжала магическим образом убирать землю с места, которое станет последним пристанищем Малфоя.

"Что делаешь?" Внезапный голос в тишине заставил ее подпрыгнуть, и она чуть не выронила палочку.

«Что, похоже, я делаю?» — спросила она вызывающе, хотя на самом деле не собиралась.

«Похоже, ты изнуряешь себя здесь, когда должна отдыхать. Его уже не волнует, что с ним происходит, Гермиона». Голос Гарри звучал так же устало, как она себя чувствовала.

— Как ты узнал, что я ушел? она попросила отклонить тему.

— Думаешь, я не могу сказать, когда тебя нет рядом? он сказал. — Оставь это, Гермиона. Завтра нам нужно начинать пораньше. Он того не стоит. После того, что он сделал...

"Я не делаю это для него!" — внезапно закричала Гермиона, напугав их обоих. «Я делаю это для себя». Слезы наконец полились по ее щекам, и она раздраженно провела по ним. Она посмотрела на него снизу вверх, изо всех сил пытаясь разглядеть его черты в темноте, и безмолвно умоляла его понять. Чувства — это то, что удерживает нас от того, чтобы быть

Пожирателями Смерти. «Я сказал тебе однажды, что ты даешь мне надежду — даже сейчас — даже после всего, что случилось, после всего, что мы потеряли. Это... меня немного пугает, когда ты ведешь себя так, будто все это может победить тебя». Он стоял очень неподвижно, глядя на нее.

— Гермиона, я не закончу, как он, что бы ни случилось, — тихо сказал он, и они оба поняли, о ком Гарри имел в виду. — У него не было таких, как ты, не так ли? На мгновение наступила тишина, и она поймала себя на том, что благодарно улыбается, глупо, хотя на самом деле он не мог ее видеть. — Все это потому, что я не хотел тратить время на похороны Малфоя? — спросил он через некоторое время.

Не дожидаясь ответа, он легко перепрыгнул через стену одной рукой и потянулся к чему-то подпертому поблизости. Гермиона не понимала, что это было, пока не услышала тихий шаркающий звук в грязи. Перед их разговором он вытащил лопату. Выводы заставили ее громко всхлипнуть, и Гарри перестал копать, чтобы спросить ее, что случилось.

— Ничего, — сказала она водянистым тоном. "Я тебя люблю."

<http://tl.rulate.ru/book/80752/2457019>